

В.Н. Ярская

ПРОТИВОСТОИТ ЛИ НАЦИЯ НАСИЛИЮ?

В статье представлена социально-антропологическая рефлексия насилия, остаются актуальными характерные имперские, этнокультурные и религиозные проблемы, общие вопросы безопасности. Воспроизведение насилия коренится в самом обществе, массовом сознании, жизненных стилях и стереотипах деятельности во всех сферах общества — от семьи до армии. Автор полагает формирование толерантности важнейшим условием развития российской государственности и преодоления традиционной монокультуралистской и моноконфессионалистской идеологии.

Социально-антропологическое осмысление проблем насилия предполагает знакомство с его культурными и социальными истоками, с древнейших времен до самой изощренной современности, его воспроизведение в его разнообразных проявлениях — государственное и оппозиционное, групповое и индивидуальное, массовое, стихийное и организованное (Борщов 2003а), мафиозное или молодежных группировок (Салагаев, Шашкин 2002; Синютин 2002). В сущности, это феномен культуры, институциональный атрибут социальных процессов и отношений. История демонстрирует эволюцию форм насилия, геноцида, истребления, уничтожения; общество раскалывали вражда и недоверие начиная с греков и варваров, христиан и еретиков, мусульман и неверных. Пещерные инстинкты ярко проявляли себя на разных этапах взаимодействия культур, а в последнее время они проявляются в масштабах цивилизаций.

Несмотря на очевидные различия, народы сохраняют устойчивые связи и усиливают их благодаря процессам глобализации. Видимо, дух культуры таков, что общество всякий раз находит новые формы взаимодействия, единства и сплоченности, а принципы, исключаящие насилие как средство решения проблем, могли бы, наверное, изменить мир. Быть может, человек — двуликий Янус, он творит, как бог, но и сеет смерть и разрушение, как дьявол. Тогда становится понятным, почему насилие оказывается спутником социальной жизни в той же степени, что и толерантность, партнерство, единение. Ведь ужасающие события террора оказались непредсказуемыми, террор получает огромный размах по жестокости и трагическим последствиям, выступая, по словам нашего Президента, прямой интервенцией, войной против России. Масс-медиа играют особую роль в механизме насилия, являясь его мегафоном, многократно усиливающими эффект от взрыва смертника, захвата заложников, нападения на населенный пункт, усиливая реальность террора (Медиадень 2004). В

определенном смысле насилие взрывает безразличие, политическую пустоту, молчание истории, а не психологическое подавление индивидов (Бодрийяр 2000: 7–9).

Интерес к социально-антропологическим *источникам и последствиям насилия* возрастает*, но пока отсутствует фундаментальное исследование социальных дискриминаций, повседневного расизма, культурных факторов генезиса насилия, особенно его экстремистской формы. Терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля — это не весь перечень дискриминационных практик, актов насилия. Сами властные структуры и военные органы, международные корпорации, медики, родители и педагоги нередко допускают незаконные действия в отношении бедных, женщин, детей, этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов и бездомных, безработных, стариков (Туляков 2001). Российское и мировое сообщество шокировано всплеском кровавых терактов, активно анализируются недостатки и слабости в деятельности силовых структур, политиков, властей. Иногда говорят о бездействии и самого общества, которое слишком медленно идет по пути к статусу гражданского. Реже обсуждаются способствующие воспроизводству насилия проблемы, коренящиеся *в самом обществе*, — в массовом сознании, стилях жизни, стереотипах действия, захватывающих все сферы общества, от семьи до армии. На протяжении столетий в России неоднократно менялась власть, принципы и методы управления государством, решались жизненно важные проблемы, при этом эволюционировали и формы насилия. Теперь преступность и экстремизм приобрели качества, обусловленные факторами исторического, социально-экономического, правового, психологического характера: вооруженность, криминальный профессионализм, организованность (Остроухов 2003: 34–35; Feldman 1991).

Еще недавно наши школьные учебники восхищались национально-освободительными движениями, царевубийцами, народовольцами, революционерами. А вдохновители современных террористов объясняют акты насилия потребностью, исходящей из глубочайших недр души. И, несмотря на известный всем корыстный и циничный расчет, сопровождающий все подготовленные определенными центрами варварские теракты, есть точка зрения, полагающая насилие антропологической константой и непреходящим феноменом культуры. В этом смысле насилие зомбирует, попадая в русло экстремистских идей и привлекая варваров-исполнителей зловещих проектов. Требуется осознание присутствия архетипа насилия в умах целого класса рецидивистов, убийц и насильников, иначе эффективное противостояние его эскалации невозможно. При этом, имея универсальный характер, социальное насилие конкретизируется как в открытых, так и в *закамуфлированных формах*: некоторые формы, не совпадающие с террором, кажутся безобидными, но в итоге оказываются постоянным атрибутом исторического процесса.

Основное методологическое направление в исследованиях проблем насилия оказалось расположенным в плоскости механизмов приобретения социальными, экономическими и политическими конфликтами этнических параметров, приобретения *этнической окраски*. Например, этнизация феномена миграции рассматривается современными аналитиками как прямое следствие этноцентристского дискурса, где базисной категорией выступает этнос —

* Наследие П.Сорокина, Э.Дюркгейма, Г.Федотова, О.Бауэра, Г. Шпета и Н. Бердяева оставило большой след в проблематике власти и насилия. Сегодня традиционно сопоставляются примордиалистский и конструктивистский подходы в объяснении этнического феномена, источниками исследований природы насилия, этничности, этноконflikта выступают работы известных авторов (С. Арутюнян, Б. Андерсон, Ю. Бромлей, П. Бурдые, В. Воронков, Э. Геллнер, М. Губогло, Л. Гумилев, Г. Гусейнов, Л. Дробижева, Т. Заславская, В. Ильин, И. Ильин, Л. Ионин, О.Карпенко, Т. Кнутсон, Д. Левинсон, Ю. Левада, А. Муталимов, Д. Рисмен, Й. Ричмонд, А. Сусоколов, В. Тишков, В. Федотова, А. Фельдман, Э. Фромм, М. Фуко, С. Хантингтон). Оформились самостоятельные темы по социологии безопасности — В. Кузнецовым, по социологии силового предпринимательства — В. Волковым.

субъект истории и самостоятельный агент социального действия (Малахов 2004: 85–86). В рамках этого дискурса этнизируется не только миграция, но и социальная реальность в целом. Процессы социальной идентификации и конструирование конфликтов одновременно реализуют властный габитус и тоталитарный этос, отнюдь не предусматривающие социальную ответственность и толерантные ценности как принципы социальных практик. Практически все войны использовали националистическую, шовинистическую пропаганду, на этом строились этнические и конфессиональные трения в Бельгии, США, Канаде, Ирландии, Израиле. Вопросы безопасности актуальны в Югославии, на Ближнем и Дальнем Востоке, Кавказе, республиках Средней Азии. В бывшем СССР *дезинтеграционные процессы* породили территориальные претензии, потоки беженцев и переселенцев. Вхождение России в мировое сообщество показало ее неготовность к оперативному реагированию на эти проблемы, предотвращению террора.

Глобализация культуры сопровождается усилением международного терроризма, ростом влияния локальных культурных течений, этнизацией социальных конфликтов. В массовое сознание активно внедряется новая порция оптимистических мифов, кореллирующих с новой глобализационной волной, и здесь стоит разделять словесно-интеллектуальные операции прикрытия, дымовые завесы вокруг глобализации и реальную логику действий субъектов в борьбе за ограниченные ресурсы планеты (Богацкий 2004). Единство и порядок, к несчастью, невозможны без конфликтов, дискриминационных практик и социального неравенства. Сами стабильность и достаток опираются на силу и принуждение, господство одних и бесправие других, неравный доступ к культурному и образовательному капиталу.

Чисто экономическое объяснение насилия было бы явным упрощением действительности, несмотря на традиции, которые рассматривают культурные различия как зависимые от экономических отношений собственности, от рыночной ситуации. Однако пространство социального неравенства не может быть однородным, оно включает параметры межпоколенческой мобильности, моделей потребления, различий во вкусах, стилях жизни. В отличие от определенности социальной структуры, социальное пространство представляет собой динамичное многомерное образование, бесконечно продуцирующее новые групповые солидарности и находящееся в постоянном поиске равновесных состояний (Бурдые 1994: 187). При этом насилие, его идеология являются нарушением права человека на жизнь, неприкосновенность, здоровье; это проявление культурной девиации, социальной патологии, аномии. Поэтому международным сообществом особое внимание уделяется *защите прав* человека от социального насилия и злоупотреблений властью. Поиск первопричин насилия упирается не только в социальные структуры и экономическое неравенство, но и в огромный клубок противоречивых связей, *отношений, стилей, культур*. С другой стороны, формированию насилия способствуют неудачи *стратегий социальной политики* в широком формате направлений — этнического, гендерного, молодежного, геронтологического.

Основными генетическими источниками экстремизма и насилия выступают в том числе *конструирующие* их духовные, культурные, экономические, политические, языковые *источники*. Важна взаимосвязь научного и повседневного дискурса, семантики языка и дискриминационных практик (см. Ярская 1997; 2001; 2004а; 2004б). Так как в эволюции культур закрепляется и передается коммуникативный образ насилия, язык позволяет сохранять насилие в *самом дискурсе*. Институциональность насилия заключается в том, что социальные институты — государство, СМИ, образование, семья — устойчиво воспроизводят информационные и социальные практики, в том числе социальные действия, связанные с насилием и агрессией. Пока академическая социальная антропология и практики превенции насилия не взаимодействуют, трудно говорить о создании правового гражданского общества. Этот процесс требует времени и стратегических действий, но мы должны начать его, если не хотим поставить на карту все завоевания гражданства (Дарендорф 2002: 70).

В самой природе человеческой агрессии и даже выборе жизненного стиля заложены потребности солидаризации с желаемой позицией, усиления субъективного статуса и дистанцирования от других (Фромм 1994)*. Здесь доминирует стремление усилить социальную позицию через демонстративное различие, потребление более качественных товаров, либо заявить о своем статусе через участие в высокой культуре. Совокупность агентов социального пространства, занимающих сходную позицию, имеет возможности для выработки общей жизненной практики. Потребление выступает процессом, различительным знаком, через стилизацию жизни спонтанные различия *преднамеренно усиливаются*. А дополнительным толчком к возникновению насилия служат отношения, в которых попирается *человеческое достоинство*, ущемляется *человеческая свобода*, отнимается право на жизнь. Противоречие между гуманистическими ценностями цивилизации и варварской природой насилия позволяет понять существо экстремизма, ведь в процессе насилия одни индивиды навязывают себя, свои цели и нормы другим, стремятся подчинить их себе (см. подробнее: Борщов 2003а; 2003б; 2003в). Иначе трудно объяснить тенденцию кризиса гуманизма, замены его ценностями бесовщины и белокурой бестии.

С другой стороны, конкретные социальные процессы разворачиваются на фоне глобального мирового пространства, в локальных его частях. *Географическая среда* направляет развитие, если иметь в виду формирование региональных экономических и этнических связей, однако описание ситуации только в географических терминах становится все менее адекватным. На первое место выходят культурные, экономические, социальные связи, они формируют социальные формы пространства и времени (Ярская, Яковлев, Печенкин, Ежов 2004: 7). Стилизация жизни отражает стремление легитимировать различия между агентами, классами в социальном пространстве, навязать свое видение *деления социального мира*, позиции в нем. Примордиализм исходит из неизбежности насилия как определенной формы взаимодействия этносов — объективно существующих общностей, обладающих коллективным сознанием, ментальностью, жизненным циклом, противоборствующими интересами и коллективными стратегиями. Насилие оказывается неустранимым атрибутом коллективного соперничества.

Одной из функций культуры выступает конструирование жизненного пространства и времени с одновременным поиском выхода из ограниченного пространства (Ярская, Яковлев, Печенкин, Ежов 2004: 70). Так, чеченцы жили тейпами, у них была вайнахская демократия, но существовавшие проблемы не были решены, и нашлись внешние игроки, которые использовали ситуацию в корыстных, античеловеческих стратегиях. Поэтому этнический хронотоп и конструирование этнического в аспекте социального неравенства взаимодействуют с геополитическими процессами, идеологией власти, борьбой за сферы влияния. При этом географическая близость может быть предметом территориального спора или основой положительного взаимодействия: люди сближаются в пространстве — по принуждению или по выбору (Бурдые 1994: 187– 188). Вместе с тем региональные пространства, *завязанные на этническое* время, подверглись конфликтным искажениям и маргинализации, насильственному разрыву в процессах департации, дискриминации, нарушений прав человека. Это было результатом насилия, войн и захватов. Известно, что эпоха западной экспансии изменила судьбы неевропейских народов, многие события в мире являются последствием решений, которые принимались в метрополиях. Борьба за капиталы определяет процесс социальной дифференциации и различные формы дискриминации, такой порядок включает в себя ценности, нормы, их соотношение с культурной системой, историей

* Но и Лоренц доказывал, что агрессивность, стремление к насилию являются неотъемлемым свойством человеческой природы. Иначе трудно объяснить тенденцию кризиса гуманизма в духе Достоевского, замены его ценностями бесовщины и белокурой бестии.

этнoса. Но в отличие от стран Дальнего Востока, создавших эффективную экономику, фундаменталистские режимы отстают от своих соседей социально, экономически и технологически. Мир ждет, когда эти режимы смягчат свои агрессивные и *насильственные замыслы* и прекратят поддерживать варварский террор.

Однако фундаментализм (Gellner 1997: 79–84), как и насилие, — явление не только внешнее, но и внутреннее: побоища, устраиваемые антиглобалистами, столкновения ультраправых и ультралевых, опасные для молодежи идеи неолевизма и русского единства, рост правозкстремистских организаций. История повторяется: как и сто лет назад, мы видим рост интереса молодежи и подростков к преступному миру, асоциальному типу человека. Порой политический террорист выглядит повстанцем, революционером, террор приобретает опасную привлекательность: террористы-одиночки из эсеров и рядовые большевики были молодыми людьми, как и протестная часть современной молодежи — скинхэды, фанаты, далекие от компромиссов и толерантности. Есть мнение, что либерализм нуждается в инъекции авторитарности, уравнивании либеральных свобод принципами иерархии, порядка, авторитета, и победить внутренний экстремизм можно не запретами, а поставив его на службу конституционному государству, противопоставив экстремистским идеологическим доктринам привлекательную своей непримиримостью собственную доктрину. Обновленный либерализм сможет эффективно противостоять и экстремизму внешнему — исламскому (Gellner 1997: 79–84).

Однако до всякого нападения *извне*, до любого и всегда неожиданного и ужасного акта терроризма не гарантирована безопасность человека и *внутри* своего дома, общины, страны. Во всех обществах в отсутствие толерантного сознания и ясной социальной политики подвергаются физическому, политическому, гендерному, интеллектуальному и психологическому насилию представители возрастных, этнических и гендерных групп, иногда независимо от уровня доходов, положения в обществе и культурного уровня. Этому способствуют бытовой расизм, ксенофобия, антиамериканизм и шовинизм, нетерпимость, неуважительность, издержки воспитания и поведение политиков и чиновников различных уровней и масштабов, социальное неравенство, а также борьба за капиталы, социальный статус, стиль жизни. Социальная дифференциация жизненных стилей проявляется в экономическом, политическом, символическом и культурном полях, и необходимо многомерное изучение проявлений индивидуальных вкусов, влияния выбора стилей, субъективного отношения к идентификации — прежде всего социальной, а заодно — этнической.

Многочисленные культурные практики, предполагающие географическую экспансию и власть, ущемляют идентичность и свободу, генерируют насилие в семье (Башкатов 1999; 2000; 2001), этническом сообществе, социальной группе, армии, тюрьме, школе, государстве в целом. Рост духа экстремизма и насилия можно наблюдать не только в политической сфере, но и массовой культуре: книги, телевидение, пресса, вульгарные и пошлые эстрадные концерты утверждают отнюдь не гуманистический и толерантный стандарт поведения. Насилие выступает одним из многочисленных *проявлений власти*, иллюзией человека, что он с помощью власти (физической или духовной) подчиняет себе часть бытия (Свиестиня 2003: 141). Но применение санкций и насилия со стороны власти — симптом ее слабости или знак ее близкого крушения, в ходе общественной эволюции и возрастающей дифференциации общества мутирует сам код власти, поскольку параллельно выстраивается дублирующий его код права (Луман 2001: 245–248). Проблемы власти и насилия как одного из главных средств реализации властной воли имеют большое значение для социально-политической жизни России, где насильственные практики играли особую роль в период самодержавного абсолютизма, в ситуации тоталитарной системы и в настоящее время. Пока нет исчерпывающего объяснения применения субъектами власти столь деструктивного средства,

как непонятны и механизмы дискриминационных практик в армейских и пенитенциарных социумах. Власть — это возможность осуществлять волю посредством авторитета, права, *насилия*, которое является опасной формой на любом уровне социальных интеракций как посягательство на личные права и свободы. Концептуальные формы властных отношений мы наблюдаем во всех сферах жизнедеятельности общества, но наиболее ярко они проявляются в тюрьме и армии, так как это институты ограниченных пространственно-временных социумов. Власть и насилие, беспорное подчинение руководству являются основными механизмами функционирования дискриминационных практик в армейских и пенитенциарных субкультурах (Михайлова 2003а; Суркова, Щепланова 2004).

Еще не встала на путь *исправительных стратегий* отечественная пенитенциарная система, культивирующая неравенство, двойные структуриации, дискриминационные практики (см. Фуко 1994; 1991; Михайлова 2003а; 2003б; 2003в). Попав туда однажды, человек все дальше отходит от человеческого и цивилизованного облика, все более становясь варваром, вором, насильником, убийцей. Армейский социум потрясают не только дедовщина, но и *гендерное насилие* (Суркова 2001; 2004; Суркова, Щепланова 2004).

Поэтому важно определить, является ли вопрос формирования толерантности основополагающим для развития человека, государства и общества и важнейшим для созидания *российской нации*. «Может, и объяснимы взрывом пассионарности первые шаги давних империй, но уже вторые шаги требовали калькуляции, дисциплины, собранности, сосредоточенного усилия воли» (Глазычев 2004). И с этим можно согласиться, — в самом деле, правопреемство по отношению к Советскому Союзу стало первым шагом к легитимности новой нации, но второй шаг еще не сделан. *Российская нация* потому зарождается в провинции — вопреки натуральной логике процесса, — что центральная точка страны еще находится в государстве, которого больше нет (Глазычев 2004). Отход от концепции светского, плюралистического по культуре государства и многоконфессионального общества, доминирование в идеологии одной конфессии, внедрение приказным порядком христианства в отечественных школах, открытие университетской церкви — неравенство в отношении других конфессий, воспитывающее нетерпимость. К тому же без объединения двух факторов — защиты интересов группы и наступления на классовые различия, ни один толерантный режим в рамках модерного и постмодерного иммигрантского, плюралистического общества долго не протянет (Уомзер 2000: 126–127).

Тезаурус традиционных понятий этимологически воспроизводит дискриминационное социальное пространство. Ведь понятия нации, народности, национальности, этнической группы, национального меньшинства стали предпосылками неравенства субъектов СССР и современных этнических конфликтов. Этнические группы, выступающие в конфликтной ситуации, очерчиваются как оппозиции: *титульные — нетитульные, коренные — пришлые, большинство — меньшинство, старожилы — мигранты, репрессированные — нерепрессированные, депортированные — недепортированные*. Национальный вопрос конструируется в зависимости от политической ситуации, от того смысла, какой вкладывается в *понятие нации* (Здравомыслов 2003: 202); этнические особенности чаще являются основой государственной мифологии, необходимой в моменты войн и катастроф. С другой стороны, в мирное время нация становится тормозом в развитии (в средневековой Японии), источником конфликтов с соседями, внутренними инородцами. Многофункциональное же понимание нации объединяет *граждан одного государства* культурными ценностями, общей территорией.

Системе советских представлений ближе позитивистский дух, примордиалистское понимание нации как исторической общности, объединенной территорией, хозяйственным

укладом, культурой, обычаями, религией, языком и самоназванием*. Известно, что примордиалистский подход дается теориями этногенеза (см. Гумилев 1989; Ожиганов 1996), столкновения цивилизаций (Хантингтон 1997), а конструктивистская парадигма представлена тезисом о продуцировании конфликтов стратегиями этнических элит, сконструированных самим государством.

Известно, что старое понимание понятия *нация* ближе к современному понятию *этнос*, но в любом случае нет национальных (читай — этнических) проблем и неравенства в чистом виде. Есть *общая проблема неравенства* без специально национального фактора, отличного от религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, профессиональных, территориальных факторов (Сорокин 1992: 245–252). Новый *дискурс этничности* лежит в поле изменений ситуации, историчности, различий контекстов (Дробужева 2003а: 218; 2003б: 353–354; Социальные неравенства... 2002: 98–170), объяснительные модели межэтнических конфликтов связаны с проблемами безопасности, депривации, статусного несоответствия, ролью этнических лидеров. Понятийный ряд *нация — национальное государство — национальные отношения* отягощен таким эмоциональным и идеологическим балластом, что его использование в постсоветских условиях проблематично (Мультикультурализм... 2002: 5). В отсутствие адекватной политической стратегии *этнические формы власти* и государственности *фабрикут насилие*, и, не сбросив расистские стереотипы и установки, нация не сможет стать монолитом перед лицом террора. В связи с этим нужно обратить внимание институтов образования на актуальность изучения опыта мультикультурного образования (см., к примеру: Дим 2002; Рагозин 2002; Ярская 2002а).

Расизм в первую очередь связывают с идеологией, в этом качестве он возник исторически, вместе с идеологией национализма (Майлз, Браун 2004: 17), а в современной Европе антииммигрантские и антибеженские настроения сочетают расистский язык с лексикой защитников нации-государства (Майлз, Браун 2004: 18). Известны работы (Скворцов 1998: 65), в которых идея расы представлена понятием, сконструированным в рамках идеологии, характерной для обществ, внутри которых власть регулируется тем или иным образом. Концептуальный аппарат этнологии, в том числе понятие этноса, эволюционирует в истории культуры и по сути дела является, как и другие понятия и категории, продуктом социального конструирования, научного и публицистического дискурса, а в сфере образования — дискурсивной формы обучения, культурного и образовательного уровня преподавателя. Обыденное мышление с легкостью привлекает *новояз*, стала привычной неприязнь к *лицам кавказской национальности*. Даже в вузе употребляются те же конструкции, что и в обиходной речи — *черные, косоглазые, кавказцы, чучмеки, татарва, поналезли, повылезали*. Значительная часть родителей предвзято относится к другим этническим группам, что сказывается на воспитании определенного отношения к национальному окружению. На вопрос теста о причине отсталости России старшеклассник из элитной гимназии отмечает пункт «татаро-монгольское иго», — в этом их убедила учительница истории.

Логическим продолжением националистических принципов становится рост *субэтнического национализма*, — например, немало сторонников понимания казачества как самостоятельного этноса. Невинное увлечение фольклором оборачивается порой прямой ксенофобией, типичной для национализма идеализацией русской истории. Расистский дискурс начинается там, где возникают сравнения этнического свойства, распространяется этническое *насилие* на бытовом уровне, его характеризуют рутинность, конструирование *неформальных групп*. Недаром отличительной чертой советского наследия считается официальная, объективированная кодификация этнического многообразия как национального. Проблема совмещения централизации власти и полиэтничной структуры с

* Странники такой концепции — И. Сталин, Ю. Бромлей, Л. Гумилев...

современностью по-прежнему актуальна, и это сохраняет стремление к насилию. И, если признать дискурсивную организацию общества (Малахов 2002), то возможен переход к пониманию нации как *принадлежности к государству*.

В конце 1980-х обсуждение проблемы российских немцев (немцев Поволжья) вскрыло расизм на бытовом и управленческом уровне (Ярская 1990а; 1990б). Один из секретарей Обкома КПСС в беседах с населением по поводу возможного возвращения поволжских немцев из мест исторической депортации прямо предупреждал: *приедут, огороды отымут*. До сих пор мало что изменилось в понимании данной проблемы — в одной из передач НТВ муссируется слоган: российские немцы не имеют родины, в Германии они — русские, в России — немцы. Это яркий пример обыденного представления об этносе как статичном, неизменном образовании. Из курса социальной антропологии будущие квалифицированные специалисты могли бы узнать, что этнос российских немцев на самом деле формировался не менее трех сотен лет как вполне самостоятельный этнос *внутри* российской нации и не имеет отношения к современным германским, датским этносам и этническим группам, живущим в Цюрихе. Хотя именно из многочисленных земель, городов и стран Европы и Скандинавии по приглашению Петра и Екатерины приезжали представители самых различных этнических групп Европы. Следуя логике некоторых репортажей, напоминающих нервные вскрики об *исторической родине* конца 1980-х, мы должны выяснять родословную каждого индивида, чтобы понять, какую гремучую смесь представляет кровь этой этнической группы. И что тогда делать представителям русского этноса, восходящего не только к славянским корням?

Обнажилась острая актуальность перехода к *гражданскому пониманию нации* и одновременному вытеснению этничности из политики в сферу культуры. Все большую популярность приобретает *многофункциональное понимание нации*, которая объединяет индивидов — граждан государства с общими культурными ценностями, общей территорией. Основными регуляторами здесь могли бы стать технологии социального контроля и диалога культур, изменений в социальной структуре, социальных институтах и этнополитическом курсе, необходимы для удовлетворения ущемленных социальных потребностей и установления самодостаточных отношений. Противоречие на пути дефинитивных изменений понятия нации иногда пытаются разрешить более активным оперированием понятием *народ*, что представляется спорным, по крайней мере, в двух отношениях: рядоположенности этого понятия с понятием *этнос* и одновременно более широкого его содержания за счет включения других социальных и этнических групп.

В исследованиях постсоветского пространства (Brubaker 1995a: 113; 1995b) рассматривается роль институциональных определений нации, национальной принадлежности в социальном контексте, этнических или национальных идентификациях. *Институциональное конституирование* социальных интересов, деятелей подразумевает территориализацию и официальную регистрацию этнической или национальной принадлежности граждан. Интерактивный подход к национальным проблемам рассматривает взаимодействие между соотносящимися полями (*relational fields*) *этнического меньшинства*, *национализирующегося государства*, внешнего отечества. При этом фобии, как и образы врага, тоже конструируются, но чтобы эти конструкции социально состоялись, они должны встроиться в жизненный мир обыденных реципиентов. Эти контексты говорят о потенциале политического конструирования; советское наследие институциональных дефиниций — это габитус, который структурирует базовые стратегии в актуальной этнополитической реальности, это повседневный мир людей в конкретном регионе и конкретном историческом и социальном времени (Brubaker 1995a; 1995b).

При необходимости описать вероятностный характер и причины различий в развертывании этнонациональных ситуаций или конфликтов мы обращаемся к реалиям интенсивности соперничества за рабочие места или демографическим, гендерным

характеристикам. Обыватель является *прирожденным примордиалистом*, он застает реальность в готовой форме, и политик застает ситуацию с обозначенными, исторически устоявшимися групповыми границами и конкретным соотношением этносов. Здоровый национализм тогда способен послужить альтернативой узким изоляционистским подходам. Социальные дистанции вписаны в отношения к телу, языку, времени (Бурдые 1994: 185–186, 189), толерантное развертывание пространства этноса во времени его жизни и есть *социальный хронотоп этноса*. Но его антропология оказывается неравнодушной к универсализации, она противится глобализации, проявляются нетерпимость, экстремистски оформленные практики, которым не противостоят семейные, образовательные, социальные и политические институции. Проблемы есть в структуре взаимосвязи жизни этнических групп с деятельностью власти, в социальной панораме противостояния этносов и религий, но очевидно и наличие обратного влияния этнических и конфессиональных организаций на социальные и политические процессы в регионах и муниципальных образованиях. Однако пространство всегда социально обозначено и сконструировано. «Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии... объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» (Бурдые 1993: 39–40). Пространство империи полиэтнично, но перегородки между этносами не доходят до вершины, теряясь уже в среднем слое чиновничества.

Социальные перемены открыли возможности свободного выбора каждого индивида в общих стратегиях *государственной нации* при сохранении индивидуальной и коллективной этнической идентичности. Реальное определение *нации* в самосознании оказывается ситуативным даже при сравнении с такой общностью, как социальный класс. Европейцы, например, выступают против усиленной миграции, других процессов интеграции и глобализации, против безальтернативного варианта глобализации, однополярности мира, противостояния. В основе насильственных стратегий лежат ситуации, но эти действия осуществляются в пределах социального времени (Ярская, Яковлев, Печенкин, Ежов 2004: 65–74). Соперничество обостряется социальной энергетикой проблем жилья, работы, образования и безопасности детей, недаром территории, где происходила смена титульности проживающих групп, становились ареной формирования насилия, а понятие титульности оказалось дискриминирующим. На одной конференции известный ученый даже выразил сожаление по поводу им самим предложенной конструкции *титульный этнос*.

Ранее подчеркивали опасность депривации в связи с ухудшением условий жизни группы, она рассматривалась как разрыв между ценностями — ожиданиями людей и возможностями (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1999: 234). В повседневном дискурсе, да и среди профессионалов все еще господствует мнение, что насилие и конфликт — детище экономических проблем, хотя это легко опровергается примерами Канады, Бельгии, — тогда переносят акцент на ожидания и ориентации, реализовать которые невозможно. Так, в период улучшения социальной ситуации 1980-х возросли потребности и ожидания, стал необходимым прорыв в модернизации, но начался спад в экономике, нарастала политическая нестабильность, межэтническая напряженность. Очевидны и глобальные интересы, но серьезное значение в возникновении конфликтов отводится конкурентности в сфере власти, управления (Тишков 1997: 311). Вопросы власти, гедонистических стремлений элитных элементов к обладанию одновременно и ею, и материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям является ключевым для понимания причин роста насилия, этнического национализма и конфликтов (Там же: 313).

Начиная с марксизма, этнонациональная идентичность, традиционные ценности, этнокультурное своеобразие народов оттеснялись на второе место после классов. В основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и

интеллектуализацией народов. В престижных видах деятельности нарастала конкуренция между титульными национальностями и русскими (Дробижева 1989). Этноты реально не выступают самостоятельными субъектами политического действия, ими являются элитные группы, имеющие *властные притязания* и политизирующие этнические отношения. Различия в социально-экономическом уровне регионов явились причиной возникновения сепаратистских тенденций, вооруженных конфликтов, межэтнического напряжения, проблем беженцев, вынужденных переселенцев, мигрантов. Это тормозит интеграцию нации.

Противники сближения с западной цивилизацией отмечают, что гражданского общества как явления у нас не существует по историческим причинам. В России, по их мнению, возможно существование разнородной структуры евразийского общества, а гражданское общество — это социально-политический продукт развития западноевропейской романо-германской цивилизации. Сторонники подобного дискурса высказываются в духе откровенного *шовинизма*: дескать, со стороны государства отмечается неудовлетворительное отношение к русскому народу как к нации, которая должна быть *титульной* и государственно-образующей. Между тем известно, что *последняя волна* национализмов стала ответом на глобальный империализм нового стиля, возможный благодаря достижениям промышленного капитализма (Андерсон 2001а: 158).

Еще одной формой национализма является *лингвистический национализм*, возникший в начале девятнадцатого века в период расцвета династических империй Европы. Французские колониалисты были настроены против китайского мандаринского стиля и романизировали вьетнамцев при помощи школ и издательств. С этим связан официальный национализм (см.: Андерсон 2001б), он сложился исторически как ответ на народные национализмы, направленные против правителей, аристократов, имперских центров. Пример представляет собой Российская империя, в которой цари правили сотнями этнических групп и множеством религиозных общин, а в собственных кругах говорили по-французски, что было знаком цивилизованного отличия от подданных.

Формула *православие, самодержавие, народность*, пройдя коммунистическое преломление как социализм, коммунистическая власть, советский народ, модифицируется, а синкретизм религиозности, национальности и государственности возрождает себя в идеологии *евразийства*. Классический расизм сменяется вариациями национализма, его элементы присутствуют в традициях антизападничества, антиамериканизма, антисемитизма. В связи с терактами растет *кавказо-, исламофобия*, несмотря на то, что в реальности террористы демонстрируют своеобразный интернационализм. С другой стороны, хотя только часть институционализированного этноса (армия, полиция) принимает участие в борьбе против бандитов, это преподносится как преследование государством этнического меньшинства, возникает ненависть и отчуждение. Глобализация оказывается скорее идеальной перспективой, нежели реальностью, этничность перестает быть единственным измерением идентификационного поля личности, а национальное государство — единственным субъектом политической деятельности, хотя *социальная ответственность* транснациональных корпораций, наднациональных бюрократических организаций на порядок ниже ответственности национальных парламентов и правительств.

Социальная антропология — это наука, полезная для теоретического объяснения и прагматической профилактики, глубокого понимания культурных и социальных корней и следствий различных форм социального насилия*. Антрополог понимает, что этническая и

* Саратовская социально-антропологическая школа зарождалась в скромных недрах Соццентра СГТУ конца 1980-х и сегодня набирает силу в работах ученых Института исследований социальной политики и гендерных исследований, СГТУ, ПАГС. Эти коллективы регулярно представляют результаты своей работы в публикациях, на симпозиумах, конференциях.

религиозная формы выступают маскировкой, камуфляжем политических, социальных и международных коллизий, нерешенных правовых и экономических вопросов. И это на фоне двух современных процессов: быстрого сокращения населения или постепенного изменения его этнического состава за счет мигрантов (Мкртчян 2004: 38). Но главное следствие плохо управляемых миграционных и этнополитических процессов — это ситуация, которую использует международный терроризм. Этничность, вместо мобилизации усилий народов на адаптацию к изменившимся условиям используется ими для достижения политических и экономических целей. Функции специалистов претерпевают изменения: чаще приходится разрешать межэтнические конфликты, вырабатывать новый язык на основе традиций добрососедских отношений, практик социального партнерства. Успех зависит от того, *насколько проработана и как реализуется социальная, этнокультурная и кадровая политика.*

В зарубежных странах специалистов по миграции готовят на уровне университетов, имеющих опыт подготовки антропологов. В момент знакомства чиновника с иммигрантом нужно установить, откуда он, обеспечить языковой и культурный контакт, помочь решить жилищные, правовые вопросы. Все это проблемы взаимодействия культур, и их успешно решают специалисты с дипломом социального антрополога, обладающие знанием культур, социологии организации, практического обустройства людей. Перед лицом международного терроризма нужна *внятная политика* государства, при внимании к детям, подросткам, молодежи — сплочение и объединение нации, этносов и народов, социальных групп. В партнерстве с вузовской наукой по социальной антропологии и социологии молодежи можно разработать стратегические принципы, рекомендации, правовые основы превенции и локализации насилия, предупреждения нарушения прав человека, дискриминационных практик.

Сегодня общественность осознает конфликт претензий на легитимность насилия — и со стороны мирового порядка и стоящей за ним власти, и со стороны отдельного человека, стремящегося к эксклюзивно понимаемой свободе и готового ради претворения этого понимания на что угодно (Шевченко 2004). Именно поэтому методология безопасности и *конструирование нации* должны опережать разрастание насилия, базируясь на понимании целостности социального пространства, отслеживании тенденций. Не объединив народы, этносы, различные социальные группы в гражданскую нацию, мы не сможем противостоять постоянной общей угрозе насилия, терроризму. Экстремизм и толерантность — полярные стратегии в борьбе за справедливость. Толерантность обращается к праву человека на самоидентификацию, выбор жизненного стиля, места в социальном пространстве, участие в его конструировании (Ярская 2002б; 2004б: 10–12), терроризм олицетворение варварского расизма. Мир поставлен перед гамлетовским выбором: победить экстремизм или погибнуть.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001а.

Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // Русский журнал. 19.12.20016. www.russ.ru/politics.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.

Башкатов О. Власть и насилие: социокультурные аспекты // Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках. Саратов: Волжский сад, 1999, С. 202–205.

Башкатов О. Монокультурализм как конструкт патриархатной власти // Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход. Саратов: СГТУ, 2000. С. 6 – 9.

Башкатов О. Общество как процесс реализации ценностей // Перспективы социальной эволюции современного общества. Саратов: Юл, 2001.

Богацкий И. Языческий этос для либерализма // Русский Журнал / Политика / 15 мая 2004. www.russ.ru/politics/20030515-bogatz.html.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

Борщов Н.А. Насилие в информационном обществе // Перспективы культурно-цивилизационной эволюции общества. Межвузовский научный сборник. Саратов: Аквариус, 2003а. С. 89 – 92.

Борщов Н.А. Информационное насилие в условиях гражданского общества // Гражданское общество как основа демократии. Пиар-деятельность в демократическом обществе / Луган. нац. пед. ун-т. Луганск: Знание, 2003б.

Борщов Н.А. Непрофессиональная реклама как вид информационного насилия // Структура представления знаний о мире, обществе, человеке: в поисках новых смыслов. Вып. 4. Т. 2. Социальные науки / Луган. нац. пед. ун-т. Луганск: Знание, 2003в. С. 17 – 28.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.

Глазычев В. О конструктивном отчаянии // Русский журнал. 06.09.2004 / www.russ.ru/columns/stolpnik/20040906.html.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: РОССПЭН. 2002.

Дим И. (Франкфурт-на-Майне). Воспитание и толерантность: импликация интеркультурной педагогики в аспекте теории действия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии, Институт философии РАН, 2002. С. 307–327.

Дробижева Л.М. О новом мышлении в межнациональных отношениях. Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: Мысль, 1989.

Дробижева Л.М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: МШСЭН, 2003а.

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003б.

Здравомыслов А.Г. Национальный вопрос и демократизация российского политического пространства // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: МШСЭН, 2003.

Луман Н. Власть / Пер. с нем. М.: Праксис, 2001.

Майлз Р., Браун М. Расизм. Перев. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

Малахов В. Миграция: невеликое переселение народов // Расизм и мигранты. Неприкосновенный запас. 2002. № 5(25).

Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 85–86.

Медиадень: 2 сентября — что и как пишут о захвате школы // Русский Журнал / Обзоры / 03.09.2004. www.russ.ru/culture/20040903_beslan.html.

Михайлова Н.В. Гендерная экспертиза уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: власть закона и власть практики // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Н.И. Ловцовой. Саратов: Научная книга, 2003а. С. 272 – 292.

- Михайлова Н.В. Новая генерация женской преступности в России // Интеграционные процессы в современном обществе. Саратов: Аквариум, 2003б. С. 155 –159.
- Михайлова Н.В. Пенитенциарная система в России: попытка антропологической экспертизы // Современное российское общество: власть экспертизы. Саратов: СМГУ, 2003в. С. 227 – 237.
- Мкртчян Н.В. Миграция и регион (на примере Приволжского федерального округа) // Мир России. 2004. Т. XIII. № 2.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии, Институт философии РАН, 2002.
- Ожиганов Э.В. Сумерки России. М.: Русский двор, 1996.
- Остроухов В.В. Насилие сквозь призму веков: Историко-философский анализ. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- Рагозин Н. (Донецк). Принцип интеркультурности в преподавании прав человека: методические проблемы // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии, Институт философии РАН, 2002. С. 289–306.
- Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 151 – 160.
- Свиестиня И. Некоторые аспекты насилия: насилие как одно из проявлений власти // Насилие и ненасилие: философия, политика, этика. Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Фонд независимого радиовещания, 2003.
- Синютин М.В. Институт мафии — частная собственность на применение насилия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 125 – 150.
- Скворцов Н.Г. Этничность, раса и способ производства: неомарксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 1.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Academia, 1992.
- Социальные неравенства этнических групп: Представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.
- Суркова И.Ю. Женщины на защите Отечества // Женщина. Образование. Демократия / Под ред. Г.И. Шатон. Минск: ЭНВИЛА-М, 2001. С. 301–304.
- Суркова И.Ю. Реформирование армии и демографическая политика в Российской Федерации // Актуальные проблемы демографической политики / Под ред. П.В. Романова. Саратов: Научная книга, 2004. С. 135 – 144.
- Суркова И.Ю., Щепланова В.В. Социальная напряженность в армейском социуме // Саратов: идентичность, ресурсы, стратегии: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. проф. Т.П. Фокиной. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. С. 127–30.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- Туляков В.А. Жертвы злоупотребления властью и социального насилия: введение в проблему. <http://kiev-security.org.ua/box/13/g.shtml>
- Уомзер М. О терпимости / Пер. с англ. М.: ДИК, 2000.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1994.
- Фуко М. О концепции «социально опасного субъекта» в судебной психиатрии XIX столетия // Философская и социологическая мысль. 1991. № 7. С. 84 – 110.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Т. 2. Весна. М., 1997.
- Ярская В.Н. Моделирование немецкой автономии: политический аспект // Советские немцы: история и современность. М., 1990а.

Ярская В.Н. Основы для взаимопонимания. Выступление на Круглом столе по проблеме немцев Поволжья // Новое время. 1990б. № 29.

Ярская В.Н. Этнологический дискурс конфликта // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. Часть 1. Саратов: Изд. ПАГС, 1997. С. 13–19.

Ярская В.Н. Социальная семантика этноса // Современные проблемы этничности. Саратов: Изд. СГТУ, 2001. С. 8 – 14.

Ярская В.Н. Современный социальный хронотоп // Проблемы образования и воспитания в полиэтничном обществе. Саратов: СГУ, 2002а. С. 13 – 23.

Ярская В.Н. Конструирование этнического неравенства и перспективы толерантности // Великий Волжский путь. Развитие культурных и этноконфессиональных контактов. Материалы международной конференции. Казань: Институт истории АН РТ, 2002б. С. 141 – 148.

Ярская В.Н. Повседневный расизм крупного города // Саратов: идентичность, ресурсы, стратегии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. проф. Т.П. Фокиной. Саратов: Изд. СГУ, 2004а.

Ярская В.Н. Дискурсивный расизм в языковых коммуникациях // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. Саратов: ГОУ ВПО ПАГС, 2004б.

Ярская В., Яковлев Л., Печенкин В., Ежов О. Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. Москва; Саратов: НФПК, 2004.

Brubaker R. Aftermath of Empire and immixing peoples: Historical and comparative perspectives // Ethnic and Racial Studies. 1995a. Vol. 18. No. 2.

Brubaker R. National minorities, nationalizing states and external national homelands in the New Europe // Daedalus. 1995b. Vol. 124. No. 2.

Feldman A. Formations of violence. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1991.

Gellner E. Nationalism // Muslim fundamentalism and Arab nationalism. N.Y.: New York University Press, 1997.